

Научная статья. Исторические науки  
УДК 94:327(470+571:954)  
DOI: 10.31696/2072-8271-2026-2-2-71-427-442

## **ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ОТРЯД БЕРЕГА МАКЛАЯ. ЭКСПЕДИЦИЯ 1971 г. (Часть 2.)**

Николай Николаевич МИКЛУХО-МАКЛАЙ<sup>1</sup>

<sup>1</sup> Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,  
nn@mikluho-maclay.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5085-1693>

**Аннотация:** В статье рассматривается история этнографического исследования Берега Маклая на о-ве Новая Гвинея (Папуа — Новая Гвинея, ПНГ) в советский период на основе материалов опубликованных по итогу экспедиций 1971 и 1977 гг. как продолжение научной традиции, заложенной Н.Н. Миклухо-Маклаем в 1870–1880-е гг. Собранные им данные о папуасах Новой Гвинеи — дневники, статьи, рисунки — стали фундаментальной основой для этнографического отряда Берега Маклая: они зафиксировали существенные аспекты жизни общества на ранней стадии развития и стали опорной точкой для сравнительного анализа культурных трансформаций. Советские ученые дополнили эти сведения актуальными наблюдениями о традиционной и современной культуре папуасов, включая духовную сферу и жизненный уклад. Экспедиции позволили зафиксировать изменения, произошедшие за столетие, адаптировать методические подходы к сбору этнографического материала и систематизировать опыт организации работ в сложных тропических условиях. Полученные материалы не только расширили корпус знаний о регионе, заложенный Миклухо-Маклаем, но и создали базу для дальнейших исследований. Опыт этнографического отряда Берега Маклая остается ценным ресурсом для современных исследователей региона.

**Ключевые слова:** этнографический отряд, папуасы, полевая работа, экспедиции, Бонгу, Берег Маклая, Новая Гвинея, Океания, НИС «Дмитрий Менделеев», Тумаркин, Миклухо-Маклай

**Для цитирования:** Миклухо-Маклай Н.Н. Этнографический отряд Берега Маклая. Экспедиция 1971 г. (Часть 2.) // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2026, Том 2, № 2 (71). С. 427–442. DOI: 10.31696/2072-8271-2026-2-2-71-427-442

Original article. Historical science

## **THE MACLAY COAST ETHNOGRAPHIC TEAM. EXPEDITION OF 1971 (Part 2.)**

Nickolay N. MIKLOUHO-MACLAY<sup>1</sup>

<sup>1</sup> Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russia,  
nn@mikluho-maclay.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5085-1693>

**Abstract:** The article examines the history of the ethnographic research of the Maclay Coast on the island of New Guinea (Papua New Guinea, PNG) during the Soviet period, based on the materials published as a result of the expeditions in 1971 and 1977. This research continued the scientific tradition established by N.N. Miklouho-Maclay in the 1870s and 1880s. Miklouho-Maclay's collected data on the Papuans of New Guinea, including diaries, articles, and drawings, served as a fundamental basis for the ethnographic research of the Maclay Coast. These materials captured significant aspects of the society's early development and provided a starting point for comparative analysis of cultural transformations. Soviet scholars supplemented these findings with relevant observations on the traditional and contemporary culture of the Papuans, including their spiritual practices and lifestyle. The expeditions allowed for the documentation of changes over a century, the adaptation of methodological approaches to the collection of ethnographic data, and the systematization of the experience of conducting research in challenging tropical conditions. The collected materials not only expanded the body of knowledge about the region initiated by Miklouho-Maclay but also provided a foundation for further research. The experience of the Maclay Coast ethnographic research team remains a valuable resource for contemporary researchers in the region.

**Keywords:** *ethnographic team, Papuans, field work, expeditions, Bongu, Maclay Coast, Rai Coast, New Guinea, Oceania, ship Dmitry Mendeleev, Tumarkin, Miklouho-Maclay*

**For citation:** Miklouho-Maclay N.N. The Maclay Coast Ethnographic Team. Expedition of 1971 (Part 2.). *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nyye problemy razvitiya*, 2026, T. 2, № 2 (71). Pp. 427–442. DOI: 10.31696/2072-8271-2026-2-2-71-427-442

**Окончание. Начало в:** 2026, Том 1, № 1 (70). С. 388–400.

## Введение

Эта работа посвящена легендарному отряду советских этнографов, которые продолжили дело Миклухо-Маклая, сохранив для потомков наследие великого исследователя Океании, давшее возможность использовать тот уникальный собранный им материал для последующих поколений. Работа посвящена сразу двум значимым событиям 2026 г.: 9 июля 2026 г. — 45-летию советских полевых исследований на Берегу Маклая и 17 июля 2026 г. — 180-летней годовщине со дня рождения Н.Н. Миклухо-Маклая. Масштаб практического материала, который хотелось бы проанализировать, достаточно значительный, поэтому публикация представлена в четырех частях. Продолжая рассказ

во второй части<sup>1</sup> статьи о легендарном этнографическом отряде Берега Маклая 1971 г., автор считает важным дополнительно представить участников отряда. В этнографическом отряде, который работал на Берегу Маклая, каждый из восьми его членов имел свою область деятельности, соответствующую научной специализации и экспедиционной теме. Н.А. Бутинов (1914–2000), Н.М. Гиренко (1940–2004), Крюков М.В. Крюков (1932–2024), В.Н. Басилов (1937–1998) изучали традиционную социальную структуру местного населения. Б.Н. Меликсетова и Д.Д. Тумаркин (1928–2019) (руководитель отряда) исследовали изменения, привнесенные в период колониального влияния Германии и Австралии. Б.Н. Путилов (1919–1997) занимался изучением музыкального фольклора, О.М. Павловский (1936–2010) — антропологическими исследованиями. Кроме того, к отряду были прикомандированы кинодокументалисты В.Г. Рыклин (1923–1983) и А.Н. Попов<sup>2</sup>.

### Вемуну

В 1882 г. в Сиднее в беседе с русским путешественником Э. Циммерманом Н.Н. Миклухо-Маклай достаточно четко изложил свои представления о поземельных отношениях в изучаемом регионе опираясь на собственные полевые исследования. «Земля составляет собственность племени, живущего в деревне, — рассказывал Миклухо-Маклай, — и разверстывается на участки по семьям (кланам). Глава каждого семейства раздает участки младшим членам его, сообразуясь с их потребностями. Таким образом, каждый пользуется землей до тех пор, пока он ее возделывает»<sup>3</sup>. Он также установил, что на Берегу Маклая жители каждой деревни формируют общину, основанную на принципах коллективизма. В рамках такой социальной организации отсутствует деление на имущих и неимущих, что свидетельствует о социально-экономическом равенстве членов общины<sup>4</sup>.

В описании деревень Николай Николаевич сделал ценные записи о «кварталах», разделяющих деревню Бонгу, однако при этом он не описал ее структуру с применением теоретических инноваций в области изучения первобытности, которые появились в 1860–1870-х гг.<sup>5</sup>. В связи с исследованием традиционной социальной организации советские этноокеанисты уделяли внимание такой специфической области человеческих связей, как родство. Учеными были получены новые данные о социальной структуре деревни Бонгу, имеющие не только историческое, но и определенное теоретическое значение. Так, Николай Александрович Бутинов и Николай Михайлович Гуренко составили список «кварталов» Бонгу, выясняя количество семейных хижин и

мужских домов в каждом из них. В ходе исследования было установлено, что «кварталы» населяет экзогамная семейно-родственная группа типа клана (по-бонгуански — вемуну, или вемуны). В состав группы входят: мужчины, их незамужние сестры, женщины, присоединившиеся посредством брака, и адаптированные лица (преимущественно мужчины, переселившиеся из других деревень по тем или иным причинам)<sup>6</sup>. В результате наблюдений советские этнографы, опираясь на записи Николая Николаевича, отметили некоторые особенности и изменения, произошедшие в семейной организации местных жителей: в частности, ослабили значение и сплоченность кланов — вемуну, при этом роль малой семьи возросла. На основе этих наблюдений были опубликованы работы о системах родства ряда народов Полинезии и Меланезии, включая Новую Гвинею, причем наряду с данными, взятыми из научной литературы, были использованы собственные записи по терминологии родства, сделанные в новогвинейской деревне Бонгу<sup>7</sup>.

М.В. Крюков провел анализ терминов родства и социального устройства у папуасов Берега Маклая, сформулировав ряд гипотез относительно возможной динамики развития их семейно-родственной организации в перспективе. Собранный им материал лег в основу научной статьи «Можно ли заглянуть в глубь истории Бонгу?». Этому феномену посвящена также работа Н.А. Бутинова «Вемуны в деревне Бонгу»<sup>8</sup>. В работах этих и других этнографов, проводивших полевые исследования на Берегу Маклая, проанализированы многие важнейшие институты папуа-новогвинейского общества, такие как община, семья и род; отдельное внимание уделено становлению института лидерства, особенно статусу «больших людей» (так называемых бигмэнов, или *тамо боро*), исследованы социальные функции обрядов инициаций и т. д.

### О постройках

Владимир Николаевич Басилов в экспедиции уделил серьезное внимание конструкции жилищ жителей Бонгу. Он осуществлял фотофиксацию построек и отметил их конструктивные особенности. Свайные хижины, которые появились повсеместно и зафиксированы в ходе советской экспедиции, известны и в других районах Новой Гвинеи — о чем свидетельствуют, в частности иллюстрации Миклухо-Маклая. Однако в деревнях, представших взору нашего великого соотечественника сто лет назад, хижины стояли на земле. Иной, чем в 1870-х гг., облик придавала постройкам и крыша. Конструкция крыш претерпела изменения: от выпуклой формы (по данным Н.Н. Миклухо-Маклая) к

более плоским скатам (по наблюдениям В.Н. Басилова), включая дополнительные элементы под двускатной кровлей. Материал (лист кокосовой пальмы) остался неизменным, что указывает на преемственность технологических традиций при модификации архитектурного решения<sup>9</sup>.

Вопрос о происхождении новых свайных построек в Бонгу остается дискуссионным. Нельзя исключать, конечно, и влияния Миклухо-Маклая, который жил в хижине на сваях, и в последующем — колониальной администрации и миссионерской деятельности на распространения данного типа жилищ. Однако имеющиеся данные не позволяют трактовать это нововведение как прямое воздействие европейской культуры. Скорее речь идет о локальной рецепции внешних элементов с их последующей интеграцией в существующую традиционную систему.

Изменения в архитектуре жилища повлекли за собой ряд сопутствующих трансформаций в их убранстве. С появлением в постройках полноценного пола отпала необходимость в использовании специальных помостов (*барла*), которые ранее выполняли multifunctional роль — на них ели и спали. В зафиксированной учеными практике пол заменил помост: теперь циновки для сна стелют непосредственно на полу, что подтверждается бытовыми наблюдениями.

При этом вне жилых построек традиция сооружения помостов сохраняется. В деревне Бонгу около отдельных домов до сих пор можно наблюдать подобные конструкции, хотя в период проведения экспедиций не было зафиксировано случаев их непосредственного использования — ни для сидения, ни для отдыха. В.Н. Басилов на основе имеющихся данных предположил, что эти элементы утратили бытовое значение и, вероятно, сохраняют преимущественно символическую или ритуальную функцию в рамках культурной традиции бонгуанцев<sup>10</sup>.

Интерес представляли в том числе мужские дома, стоящие на земле (согласно описанию Н.Н. Миклухо-Маклая), они издревле являлись сакральной формой мужских союзов. Удалось выявить дом мальчиков на сваях *boys house* (дом юношей), но мужской дом из-за краткосрочности экспедиции не был описан, если не считать того, что Тумаркин назвал таковой постройку с земляным полом, где жил старик-вдовец<sup>11</sup>. В.Н. Басилов обоснованно отметил, что в собранных сведениях есть немало пробелов, а изучение различных сторон быта населения Берега Маклая требует дальнейшего исследования в полевых условиях.

## Хижина Дагауна

Исследователям удалось наладить контакт с юношей по имени Какала, он обещал познакомить ученых с хозяином какого-нибудь дома, который будет готов подробно рассказать о своем жилище и показать его. Владимир Николаевич Басилов и Михаил Васильевич Крюков были представлены пожилому папуасу из вемуну Манлеу по имени Дагаун. Он позволил осмотреть и описать его дом, далеко не самый богатый, по мнению этнографов. Этнографам представилась возможность разобрать все предметы в хижине, подробно описывая каждый, пользуясь пояснениями хозяина. «Хижина Дагауна сохраняла многие черты старинного папуасского жилища. Она была без окон. В комнате хозяйина постелью служила циновка, а платяной шкаф заменяла веревка, протянутая от стены до стены; несколько рубашек было перекинута и через балку. Здесь же, над циновкой для спанья, находилась «тави» — материя из луба, предназначенная для праздничной одежды. Напротив двери на стене висели два небольших барабана «окам», подобные тем, какие зарисовывал еще Н.Н. Миклухо-Маклай. О времени Маклая напомнили и два железных топора, укрепленные рядом с барабанами (русский ученый впервые привез в Бонгу железные топоры). Необычно и в то же время приятно было услышать местное название этого орудия — «топор». Другое русское слово, кукуруза (на бонгу «гугруз»), я услышал в женской комнате: там над очажком хранились, подвешенные к балке, три початка кукурузы вместе с завернутыми в листья орехами бетеля. Один из углов комнаты Дагауна был занят плетеными корзинами и несколькими деревянными блюдами («табир») с резьбой на внешней стороне у края; красивую продолговатую деревянную посудину я извлек из-под нижней полки в кухне»<sup>12</sup>.

Анализ собранного советскими учеными материала показал, что материальная культура бонгуанцев представляет собой синтез традиционных и модернизированных элементов. Сохранение архаичных форм хозяйственной деятельности, таких как использование лодок-долбленок, традиционных земледельческих орудий и глиняной посуды, — сочетаются с избирательным внедрением современных материалов (железо, гвозди) в отдельные сферы хозяйственной практики. Данный феномен свидетельствует об успешной адаптации локальных культурных традиций к новым технологическим возможностям при сохранении этнокультурной идентичности сообщества.

### Путешествуя по деревне

В Бонгу появилась церковь — большой деревянный сарай с крышей из пальмовых листьев. Христианство было принято бонгуанцами только поверхностно и причудливо переплеталось с традиционными верованиями. В Бонгу действовала одна начальная миссионерская школа, принадлежавшая к типу «Т» — так называемых территориальных школ, программы которых предназначались для обучения коренного населения. В бонгуанской школе было пять классов вместо семи, что, как показала собранная информация, являлось следствием нехватки дипломированных преподавателей из числа коренного населения. Сказывалась неразвитость среднего и профессионального образования. Также получены сведения о школах, которые работали по австралийским образовательным программам. Там дети обучались на английском языке<sup>13</sup>.

В деревне ученые зафиксировали три маленькие лавочки наподобие киосков, которые были почти все время закрыты, а их владельцы занимались земледелием и рыболовством наравне с другими бонгуанцами. У местных жителей были в широком употреблении металлические топоры, пилы и ножи, они носили одежду европейского покроя из покупных тканей, но по-прежнему ходили босиком, использовались керосиновые лампы (когда были в наличии деньги на керосин). Староста деревни располагал транзисторным приемником. Основным источником денежных поступлений была продажа австралийским скупщикам копры (сушеная мякоть кокосовых орехов). Некоторые мужчины уходили работать на крупные плантации, принадлежавшие австралийским компаниям. Полученные деньги шли на уплату подушного налога, церковного сбора, на плату за обучение детей в школе, на покупку риса, тканей, керосина и т. п.<sup>14</sup>

Этнографы также изучали виды хозяйственной деятельности бонгуанцев: исследовали лодки-долбенки (каное с аутригером) и совершали прибрежные плавания с целью рыбной ловли, осматривали огороды и средства обработки земли, участвовали вместе с местными жителями в заготовке дров, побывали на кладбище.

Исследователи зафиксировали сохранение ряда элементов традиционной материальной культуры. В земледелии по-прежнему используются те же, что и сто лет назад орудия труда (деревянный кол — *саб* и деревянная лопатка — *удья саб*). В быту распространены циновки из пальмовых листьев, посуда из дерева и скорлупы кокоса и глиняные горшки, которые изготовлены для использования в быту, как и сто лет

назад, в прибрежной деревне Били-Били. В рыболовстве традиционные лодки-долбленки с аутригером сочетаются с железными крючками и наконечниками острог из гвоздей. Это отражает избирательную адаптацию локальных традиций<sup>15</sup>. В деревне ученых привлекло внимание содержание свиней, которые очень ценятся в папуасских селениях. Однако удалось обнаружить одного поросенка в клетке, как выяснили советские ученые, свиньи портят посадки, и жители Бонгу их уже не разводят, чтобы не нанести ущерб огородам.

Основой хозяйства, как и сто лет назад, у бонгуанцев оставались подсечно-огневое земледелие и рыболовство. Прежними оставались земледельческие орудия труда и быта.

### Карго-культ

Даниил Давидович Тумаркин собрал информацию об основных интересах и занятиях жителей деревни, их доходах, расходах и накоплениях. Целью ставилось выяснить роль товарно-денежных отношений для жителей деревни и оценить их влияние на традиционный уклад<sup>16</sup>. Удалось также описать культ карго, появившийся на Берегу Маклая. Этому помогли определенные обстоятельства: ученые обратили внимание на папуаса, который сторонился их и наблюдал за группой со стороны. В XX в. в различных районах Новой Гвинеи, где коренное население вступало в устойчивые контакты со светлокожими (в том числе через работу на плантациях, принадлежащих чужеземцам, или через взаимодействие с миссионерами), начали возникать культы карго<sup>17</sup>. Характерной чертой этих религиозных движений стало причудливое соединение своеобразно трактуемых христианских догматов с традиционными местными верованиями, в первую очередь с распространенным мифом о культурных героях Калибобе и Манупе, наделенных божественными чертами<sup>18</sup>. Религиозные верования и обряды дают богатый материал для изучения ранних форм религии и отражения в ней общественных отношений.

П. Кристиансен утверждал, будто первые признаки культа карго на Берегу Маклая появились в 1871 г., когда здесь поселился русский ученый Н.Н. Миклухо-Маклай. Папуасы думали, что перед ними божество Анут, или один из сыновей этого божества — Килибоб. Русский ученый дарил папуасам каменные топоры, гвозди, одежду, бусы, семена тыквы, арбузов и т. д., и на него смотрели поэтому как на источник богатства. «Но с его именем, — в то же время отмечал автор, — не было связано никакого ритуала»<sup>19</sup>.

Австралийский этнограф П. Лоуренс, справедливо отмечая обожествление Миклухо-Маклая, все же подчеркивает, что это еще не культ карго — он возник позже. П. Лоуренс пишет: даже после восстания в Маданге в 1904 г., жестоко подавленного колонизаторами, не возник еще культ карго<sup>20</sup>. После Второй мировой войны, когда восстания папуасов и меланезийцев стали особенно многочисленными, среди зарубежных этнографов, историков, социологов появился интерес к культу карго, стали выходить в свет статьи и даже монографии, посвященные этому феномену<sup>21</sup>. Термин «карго» на пиджин (ток-писин — cargo) переводится как груз или товар, перехваченный белыми<sup>22</sup>. Это — «религиозное движение, которое представляет собой причудливую смесь отдельных христианских идей и местных верований, объединенных одной главной мыслью: папуасы должны иметь те же жизненные блага, что и белые»<sup>23</sup>.

В 1960–1970-х гг. культы карго получили распространение на Берегу Маклая, что смогли зафиксировать советские ученые и о чем пойдет речь дальше. Примечательно, что в некоторых этих культах задействована фигура Маклая воспринимавшегося как божество (*тибуд*), которое посылает новогвинейцам европейские товары. Не лишним будет напомнить, что в пределах обширного района Маклай выступает в верованиях папуасов как обожествленный культурный герой.

Показательный случай произошел незадолго до прибытия судна «Дмитрий Менделеев», в нескольких десятках километров от Бонгу. Один из лидеров культа карго, ранее служивший у миссионеров, призвал своих последователей подняться на гору, где установлен большой бетонный геодезический знак. Он уверял, что под ним спрятаны сокровища, оставленные предками. Во избежание массовых беспорядков австралийский чиновник, ответственный за округ, распорядился извлечь знак и перенести его в долину.

### Богатства Маклая

В декабре 1970 г. в полутора километрах от деревни Бонгу, в местечке, названном Миклухо-Маклаем мысом Уединения (мыс Гарасси), геологическая экспедиция с научно-исследовательского судна «Витязь» установила на месте первой стоянки нашего выдающегося соотечественника скромный обелиск в его память<sup>24</sup>. Не только советские люди, но и жители Бонгу не забыли о местах проживания Миклухо-Маклая. Тропинку до места хижины, где Николай Николаевич жил в период своего второго пребывания в Бонгу, бонгуанцы и сто лет спустя называют *гом Маклай* — «тропа Маклая»<sup>25</sup>. Хижины Маклая стояли во

время первой его экспедиции на мысе Гарагаси (неподалеку от деревни Горенду), а во время второго путешествия — на мысе Бугарлом (деревня Бонгу).

Саймонс попросил Д.Д. Тумаркина довести до сведения ученых, находящихся в Бонгу и на борту «Дмитрия Менделеева», строгое предупреждение: им следует избегать групповых посещений мыса Гарагаси, на котором установлена мемориальная доска на бетонной плите, а главное — не проводить там никаких церемоний. По словам Саймонса, в противном случае есть вероятность, что местные жители начнут раскопки под обелиском, надеясь обнаружить богатства, якобы оставленные там Маклаем<sup>26</sup>.

Советские ученые отмечали, что фигура Миклухо-Маклая демонстрирует высокую степень устойчивости в локальной мифологии. Мифологема о Маклае воспроизводится через устную традицию, передаваясь от старшего поколения к младшим с ранних лет, так как предания о нем стали важной частью местного фольклора и религиозных воззрений. В возрастной социокультурной перспективе наблюдается следующая картина: среди пожилых бонгуанцев и последователей карго-культов доминирует сакрализация образа — Маклай воспринимается как сверхъестественное существо или местное божество. В молодежной среде, особенно среди получивших школьное образование, религиозный компонент ослабевает, но сохраняется мифологизация: он остается фигурой из преданий — таинственный, могущественный и исключительно добрый.

### Предания о тамо русс

Члены этнографического отряда записали на магнитофонную ленту три варианта предания о тамо русс: два рассказал информант по имени Каму на ток-писин, еще один поведал на бонгу старейшина Та-ног. Были записаны также их переводы на английский язык, сделанные Абудзем и Кони Хомате. «Когда Маклай впервые появился в здешних местах, жители близлежащих деревень очень испугались, так как это был первый белый человек, которого они увидели. На океанском берегу Маклай встретил папуаса по имени Тойя. Тот подумал, что таинственный пришелец хочет его убить, и стал отступать к деревне, но Маклай его догнал, остановил и подарил ему соль и топор. Затем Маклай уехал, а когда вернулся, подарил тамо бонгу бычка. Они никогда не видели такого животного и потому решили, что это большая свинья, только клыки у нее растут не из пасти, а на лбу. Когда пришло время пира, папуасы попытались связать «свинье» ноги, чтобы затем убить ее и

приготовить из мяса угощение. Но диковинное животное начало бодаться, лягаться, бонгуанцы в ужасе рассыпались в разные стороны, и оно убежало в горы. Так его и не поймали»<sup>27</sup>. В этих текстах, как и во всяком фольклорном источнике, есть, конечно, неточности. Но они отражают события, зафиксированные в дневниках Миклухо-Маклая<sup>28</sup>. Первого папуаса, которого встретил русский ученый, действительно звали Тойя (Туй), но Миклухо-Маклай при встрече подарил ему не соль и топор, а красную материю.

Не является вымыслом и комичная история про бычка, которого бонгуанцы и впрямь приняли за *буль боро* (большую свинью). Однако ученый подарил им бычка с телочкой не во второй, а в третий свой приезд. Вскоре после водворения в Бонгу бычок перескочил через изгородь загона и бросился наутек. «Бычок, — вспоминает Миклухо-Маклай, — вырвавшись на свободу, как бешеный полетел по деревне. Туземцы в ужасе быстро попрятались кто куда». Далее он пишет: «за бычком последовала и телка, и интересная парочка унеслась на ближайшие холмы»<sup>29</sup>.

Австралийский писатель Ч.Л. Сентинелла, посетил Бонгу уже после советской экспедиции и опубликовал в своей книге еще один вариант этого предания. В источнике отмечается, что бонгуанцы, возмущенные опустошениями, которые бык учинил на их огородах, организовали на него охоту и убили его. Однако по возвращении в деревню они собрались в мужском доме, испытывая угрызения совести, так как бык был подарен Маклаем<sup>30</sup>.

Бонгуанцы также помнили, что именно Н.Н. Миклухо-Маклай привез первые стальные топоры и ножи, многие новые для них культурные растения, подарил бычка и телку. Эти исторические факты запечатлелись не только в их коллективной памяти, но и в бонгуанском языке, в который вошли русские слова, правда, в несколько фонетически измененном виде: *схапор* (топор), *гугрус* (кукуруза), *абрус* (первоначально — арбуз, а впоследствии, когда арбузы перестали культивировать, — дыня), *бика* (бык). Кроме того, к местным названиям некоторых культурных растений, привезенных русским ученым, стало принято прибавлять его имя: *дыгли Маклай* (огурец), *валю Маклай* (тыква).

### В роли Маклая

В последний день пребывания этнографов в деревне папуасы устроили в их честь грандиозный праздник с песнями, танцами и пантомимами. На это мероприятие прибыли другие участники экспедиции

и члены экипажа «Дмитрия Менделеева». Особенно яркой и запоминающейся была пантомима, повествующая о первом появлении Н.Н. Миклухо-Маклая. Вот как описывал это событие Н.А. Бутинов: «В деревне бьют в сигнальный барабан — толстое, выдолбленное бревно, длиной метра два<sup>1</sup>. Звуки разносятся далеко и возвещают о том, что скоро на берег высадится тамо русс Маклай. Мы выходим на берег. Макинг и еще два папуаса, разрисованные, разукрашенные, с копьями, луками и стрелами, с перьями в волосах и с браслетами, уже готовы начать представление. Подходит, стрекоча мотором, капитанский катер. Тамо русс Маклай<sup>2</sup> прыгает в воду, выходит на песчаный берег и начинает свой путь к мысу Бугарлом. Маклая изображает, как и договорились, наш капитан. Память папуасов несовершенна. В первый свой приезд Маклай шел к мысу Гарагасси, а не к мысу Бугарлом. Быка и корову, страх перед которыми Макинг и его друзья так удачно изображают, он привез не в первый раз и даже не во второй, а в третий. Но разве это важно? Маклай идет спокойно, медленно, а папуасы целятся в него из лука, замахиваются копьями, отступают, падают, прячутся за деревьями. В глазах капитана я вижу некоторое беспокойство. Макинг натягивает тетиву до отказа и целится ему, по всем правилам реализма, в лицо. Вряд ли кому-либо из профессиональных актеров придется играть роль Маклая в таких условиях. Задень Макинг локтем за ветку дерева, пальцы отпустят тетиву, и стрела полетит в цель. Маклай не раз попадал в такие переделки и выходил из них с честью. Наш капитан решил сыграть свою роль столь же реалистически, как папуасы — свои. Он спокойно дошел по тропинке до строящейся церкви, свернул направо, спустился к берегу на мыс Бугарлом, к д. Бонгу, где стояла хижина Маклая в 1876–1877 гг. Здесь представление закончилось под бурные аплодисменты и возгласы многочисленных жителей деревни, членов экипажа и экспедиции»<sup>31</sup>.

После праздника бонгуанцы нанесли ответный визит на борт «Дмитрия Менделеева», где им провели экскурсию по кораблю. Бонгуанцы впервые находились на таком большом корабле, и многое представлялось им непривычным. Тем не менее они вели себя спокойно и с достоинством, хотя явно с живым интересом впитывали новые впечатления. Эмоциональная реакция проявилась лишь однажды — во время просмотра мультфильма «Шайбу, шайбу» и кинокомедии «Пес Барбос и необычный кросс». Папуасы хорошо поняли содержание фильма, и

<sup>1</sup> Барум — сигнальный щелевой барабан.

<sup>2</sup> М.В. Соболевский — капитан судна «Дмитрий Меделеев».

кают-компания, где проходила демонстрация, буквально сотрясалась от смеха<sup>32</sup>.

### **Завершение экспедиции и ее основные результаты**

13 июля этнографический отряд был отведен на судно, после чего оно направилось в Маданг. После Берега Маклая экспедиция посетила микронезийский остров Науру, а затем направилась к архипелагу Вануату (прежнее название — Новые Гебриды), где советские этнографы провели ценные полевые исследования на о-ве Эфате, островке Фила и о-ве Эроманга. После Вануату «Дмитрий Менделеев» посетил Сидней, островок Лорд-Хау, а после этого Новую Каледонию, о-ва Фиджи, о-ва Самоа, о-ва Тувалу и о-ва Кирибати. После завершения научных работ в Океании «Дмитрий Менделеев» зашел в Токио, а 13 октября прибыл во Владивосток. Вся экспедиция длилась почти четыре месяца<sup>33</sup>.

В ходе четырехдневной полевой работы на Берегу Маклая ученые установили, что бонгуанцы сохранили многие основные черты своей самобытной культуры, а элементы внешнего влияния, хотя и затронули их в какой-то мере, но явились лишь поверхностным слоем, наложенным на традиционный уклад жизни.

Участие этнографов в этом рейсе дало значительные научные результаты: опубликованы книги, в том числе коллективная монография «На Берегу Маклая. Этнографические очерки»<sup>34</sup>, а также «Миф — образ — песня Новой Гвинеи»<sup>35</sup> Б.Н. Путилова и «Народы Папуа Новой Гвинеи. (От племенного строя к независимому государству)» Н.А. Бутинова<sup>36</sup>. Вышли в свет подготовленные учеными издания в научно-популярном формате<sup>37</sup>. Только в первые годы после экспедиции было опубликовано более 20 статей, сделано несколько докладов на научных конгрессах и конференциях, приобретены ценные экспонаты для Музея антропологии и этнографии АН СССР (Кунсткамера). В свет вышли два этнографических фильма<sup>38</sup>, один из которых «К берегам далекой Океании», созданный на основе материалов, снятых в экспедиции доступен в наши дни в цифровом формате<sup>39</sup>.

### **Заключение**

Экспедиция 1971 г., несмотря на относительно короткий период пребывания, продемонстрировала выдающуюся научную результативность и дала мощный импульс как полевым, так кабинетным исследованиям в области океанистики и этнографии. За ограниченное время ученым удалось собрать уникальный эмпирический материал,

создавший прочную базу для хронологического анализа социокультурных процессов у папуасов северо-востока острова Новая Гвинея с периодом в сто лет. Прямое сопоставление данных Н.Н. Миклухо-Маклая с состоянием культуры региона в 1970-х гг. позволило зафиксировать динамику изменений, выявить механизмы адаптации традиционных практик к новым условиям и проследить элементы культурной преемственности. Исследователи детально изучили взаимодействие традиционного и инновационного в духовной культуре, социальной организации, ритуалах и хозяйственной деятельности коренных жителей. Полученные результаты не только расширили понимание социокультурной динамики обществ Океании, но и стимулировали последующие исследования. В сфере полевых работ экспедиции задали новые стандарты взаимодействия с местными сообществами: отработанные методики коммуникации и подходы к сбору этнографического материала стали ориентиром для последующих экспедиций в регионе<sup>40</sup>. В области кабинетных исследований богатый эмпирический массив послужил основой для множества историко-сравнительных, антропологических и культурологических работ — включая анализ долгосрочных трендов, переоценку ранних данных, моделирование социокультурных трансформаций и разработку новых теоретических концепций. Ввиду обширности собранного материала публикации представлена в четырех частях. Автор продолжит в следующих — третьей и четвертой — частях анализ деятельности советских ученых на Берегу Маклая, углубляя исторический контекст и раскрывая дополнительные аспекты их научного вклада — как в плане конкретных эмпирических находок, так и в отношении методологического наследия, повлиявшего на развитие этнографической науки.

#### ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

МИКЛУХО-МАКЛАЙ Николай Николаевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра ЮВА Азии, Австралии и Океании ИВ РАН, Москва, Россия; президент Ассоциации исследователей Южно-Тихоокеанского региона; директор Фонда сохранения этнокультурного наследия им. Миклухо-Маклая, Санкт-Петербург, Россия

Статья поступила в редакцию 09.05.2026;  
одобрена после рецензирования 17.05.2026;  
принята к публикации 30.05.2026.

#### INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nickolay N. MIKLOUHO-MACLAY, PhD (Hist.), research fellow at the Center for Southeast Asia, Australia and Oceania of the IOS RAS, Moscow, Russia; President of the Association of the South Pacific Researchers; Director of the Miklouho-Maclay Foundation for the Preservation of Ethnocultural Heritage, Saint-Petersburg, Russia

The article was submitted 09.05.2026;  
approved 17.05.2026;  
accepted to publication 30.05.2026.

- <sup>1</sup> Подробнее см. Часть I: Миклухо-Маклай Н.Н. Этнографический отряд Берега Маклая. Экспедиция 1971 г. (Часть 1.) // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2026, Том 1, № 1 (70). С. 388–400. DOI: 10.31696/2072-8271-2026-1-1-70-388-400
- <sup>2</sup> См.: Тумаркин Д.Д. По островам Океании (этнографические работы во время шестого экспедиционного рейса «Дмитрия Менделеева») // Советская этнография. 1972. № 2. С. 120–128.
- <sup>3</sup> Циммерман Э. Путешествие по Австралии и Океании // Отечественные записки. 1883. № 9. С. 223. Советские этнографы, посетившие Бонгу и некоторые близлежащие деревни столетие спустя, уточнили эти наблюдения Миклухо-Маклая. См.: Тумаркин Д.Д. Хозяйство папуасов бонгу // На Берегу Маклая. Этнографические очерки / Отв. ред. С.А. Токарев. М.: Наука, 1975. С. 94–96; Басилов В.Н. Мужские дома в Бонгу // Советская этнография. 1977. № 6. С. 91–92.
- <sup>4</sup> Тумаркин Д.Д. Миклухо-Маклай его наследие (к 100-летию со дня смерти) // Советская этнография. 1988. № 2. С. 6.
- <sup>5</sup> Английская школа социокультурного эволюционизма — Э. Тэйлор, Дж. Лёббок и Дж. Макленнан, разработавшие в своих трудах проблемы родовой организации, экзогамии, анимизма и т. п. Об этом см. подробнее: Stocking G.W. (Jr.). *Victorian Anthropology*. New York — London: Free Press, 1987. 429 p.
- <sup>6</sup> Тумаркин Д.Д. «О тамо, кайе!» (о полевой работе на Берегу Маклая) // Этнография полевой жизни: воспоминания сотрудников ИЭА РАН / Отв. ред. и сост. И.А. Аржанцева, М.Л. Бутовская. М.: ИЭА РАН, 2015. С. 17.
- <sup>7</sup> Тумаркин Д.Д. Основные направления этнографического изучения народов Океании в СССР в 1961–1986 гг. // Советская этнография. 1988. № 4. С. 143.
- <sup>8</sup> Бутинов Н.А. Вемуны в деревне Бонгу // На берегу Маклая. Этнографические очерки / Отв. ред. С.А. Токарев. М.: Наука, 1975. С. 165–184.
- <sup>9</sup> Басилов В.Н. Через сто лет после Маклая // Советская этнография. 1972. № 4. С. 143.
- <sup>10</sup> Басилов В.Н. Через сто лет после Маклая. С. 147.
- <sup>11</sup> Басилов В.Н. Через сто лет после Маклая. С. 158.
- <sup>12</sup> Басилов В.Н. Через сто лет после Маклая. С. 153.
- <sup>13</sup> Меликсетова И.М. Встреча с Океанией 70-х годов. М.: Наука, 1976. 144 с.; На Берегу Маклая. Этнографические очерки / Отв. ред. С.А. Токарев. М.: Наука, 1975. С. 74–75.
- <sup>14</sup> Плахова М.Л., Алексеев Б.В. Океания далекая и близкая. Путевой дневник художников / Ввод. ст. и ред. Д.Д. Тумаркина. М.: Наука; ГРВЛ, 1981. С. 3–5 (вводная статья Д.Д. Тумаркина).
- <sup>15</sup> Басилов В.Н. Мужские дома в Бонгу // Советская этнография. 1977. № 6. С. 91–92.
- <sup>16</sup> См. подробнее: Экспедиции трех веков. По следам Миклухо-Маклая / Отв. ред. Н.Н. Миклухо-Маклай мл. СПб.: ИВ РАН; Фонд сохранения этнокультурного наследия им. Миклухо-Маклая., 2021. С. 54–61.
- <sup>17</sup> Басилов В.Н. Через сто лет после Маклая. С. 151.
- <sup>18</sup> Бутинова М.С. Культ карго в Меланезии (к проблеме миллениаристских движений) // Советская этнография. 1973. № 1. С. 81–92.
- <sup>19</sup> Christiansen P. *Op. cit.* P. 38.
- <sup>20</sup> Подробнее см.: Lawrence P. *Road belong Cargo: a study of Cargo movement in the Southern Madang district, New Guinea*. 1<sup>st</sup> ed. Manchester: Manchester University Press, 1964. P. 69.
- <sup>21</sup> Christiansen P. *The Melanesian Cargo Cult. Millenarianism as a factor in cultural change*. Translated from Danish by J.R.B. Cosney. Copenhagen: Akademisk Forlag (D.B.K.), 1969. 148 p.
- <sup>22</sup> Тумаркин Д.Д. «Вторая жизнь» Н.Н. Миклухо-Маклая: мифы и предания о русском ученом в Папуа — Новой Гвинее // Этнографическое обозрение. 1997. № 1. С. 161.
- <sup>23</sup> Басилов В.Н. Через сто лет после Маклая. С. 150.
- <sup>24</sup> В декабре 1970 г. в залив Астролябия на несколько часов зашло научно-исследовательское судно «Витязь» с геологической экспедицией на борту. Участники экспедиции

установили на небольшом мысе в 1,5 км от Бонгу скромный обелиск в память о пребывании на этом берегу Н.Н. Миклухо-Маклая. — См.: Правда. 03.01.1971.

<sup>25</sup> См.: Тумаркин Д.Д. По следам «тамо русс» (советские ученые в Бонгу) // На Берегу Маклая / Отв. ред. С. А. Токарев. М.: Наука, 1975. С. 26–49.

<sup>26</sup> Тумаркин Д.Д. «О тамо, кайе!»... 2015. С. 14.

<sup>27</sup> См.: Тумаркин Д.Д. По следам «тамо русс»... С. 42–43.

<sup>28</sup> Тумаркин Д.Д. «Вторая жизнь» Н.Н. Миклухо-Маклая... С. 162–163.

<sup>29</sup> Миклухо-Маклай Н.Н. Собрание сочинений. В 6 т. 2-е изд., испр. и доп. / Отв. ред. Д.Д. Тумаркин, Н.Н. Миклухо-Маклай-мл. СПб.: Фонд сохранения этнокультурного наследия им. Миклухо-Маклая, 2020. Т. 2. С. 381.

<sup>30</sup> Sentinella C.L. Impressions at Bongu Village // Newsletter of the Miklouho-Maclay Society of Australia. 1980. Vol. 1. No. 3. P. 11.

<sup>31</sup> Бутинов Н.А. Путь к Берегу Маклая. Хабаровск: Хабаровское кн. изд-во, 1975. С. 76–77.

<sup>32</sup> Тумаркин Д.Д. «О тамо, кайе!»... 2015. С. 16.

<sup>33</sup> Экспедиции трех веков... С. 54–61.

<sup>34</sup> На Берегу Маклая...

<sup>35</sup> Путилов Б.Н. Миф — обряд — песня Новой Гвинеи. М.: Наука, 1980. 383 с.

<sup>36</sup> Бутинов Н.А. Народы Папуа Новой Гвинеи. (От племенного строя к независимому государству). СПб.: Петербургское востоковедение, 2000. 374 с.

<sup>37</sup> См., например: Аксенов А.А., Белоусов И.М. Загадки Океании. Экспедиция на научно-исследовательском судне «Дмитрий Менделеев». М.: Мысль, 1975. 156 с.; Наумов Д.В. На островах Океании. М.: Наука; ГРВЛ, 1975. 168 с.; Меликсетова И.М. Встреча с Океанией 70-х годов.

<sup>38</sup> Тумаркин Д.Д. Новая встреча с Океанией // Советская этнография. 1977. № 6. С. 71.

<sup>39</sup> В 1975 г. вышел полнометражный цветной документальный фильм «К берегам далекой Океании» / Реж. В. Рыклин. «Центрнаучфильм», 1975. (продолжительность 00:50:14). URL: <https://rutube.ru/video/85e203460fbae32fc8859cc546db6e3d/> (дата обращения: 04.04.2026).

<sup>40</sup> Миклухо-Маклай-младший Н.Н. По следам Миклухо-Маклая. Российские научные экспедиции на Берег Маклая в XXI в. Миклухо-Маклай Н.Н. Собрание сочинений. В 6 т. 2-е изд., испр. и доп. / Отв. ред. Д.Д. Тумаркин, Н.Н. Миклухо-Маклай-мл. СПб.: Фонд сохранения этнокультурного наследия им. Миклухо-Маклая, 2020. Т. 1.